

УДК 130.122; 141.33

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-82-94

ФИЛОСОФСКО-МИСТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ, ИСТОКИ И ПАРАЛЛЕЛИ «МИСТЕРИИ» А. Н. СКРЯБИНА

Кравченко В. В.

*Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)
125993, г. Москва, Волоколамское ш., д. 4, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель работы – введение философско-мистических взглядов А. Н. Скрябина в русло современных историко-философских исследований русского мистицизма.

Процедура и методы исследования. В статье предлагается анализ воззрений Скрябина в русле мистической философии. Подчёркивается тот факт, что идеи Скрябина были в значительной степени инспирированы учением и деятельностью Е. П. Блаватской.

Результаты проведённого исследования. Показано, что А. Н. Скрябин музыкальное искусство стремился превратить в философско-мистическое делание.

Теоретическая и / или практическая значимость. Творчество Скрябина органично вписалось в основные тренды мирового мистицизма, подтверждая общее направление развития и других русских мистиков. В статье проведены параллели между идеями и практиками Скрябина и других представителей русского и мирового мистицизма.

Ключевые слова: русская мистическая философия, русский мистицизм, серебряный век, теософия, антропософия, интегральная йога

PHILOSOPHICAL-MYSTICAL MEANING, ORIGINS AND PARALLELS OF THE "MYSTERY" BY A. N. SCRIBIN

V. Kravchenko

*Moscow Aviation Institute (National Research University)
4 Volokolamskoye highway, Moscow 125993, Russian Federation*

Abstract.

Purpose. The main purpose of the article is introduction of the philosophical and mystical views of A. N. Scriabin in the course of modern historical and philosophical research of Russian mysticism.

Methodology and Approach. The article offers an analysis of Scriabin's views in the course of mystical philosophy. It is emphasized that Scriabin's ideas were largely inspired by the teachings and activities of E. P. Blavatskaya.

Results. It is shown that A. N. Scriabin sought to turn the musical art into a philosophical and mystical work.

Theoretical and / or Practical Implications. Scriabin's work has been organically integrated into the main trends of world mysticism, confirming the General direction of development of other Russian mystics. Parallels are drawn between the ideas and practices of Scriabin and other representatives of Russian and world mysticism.

Keywords: Russian mystical philosophy, Russian mysticism, the Silver age, theosophy, anthroposophy, integral yoga

ВВЕДЕНИЕ

Гениальный композитор и музыкант А. Н. Скрябин был известен как самобытный мыслитель, тяготевший к идеалистическим и религиозно-мистическим учениям. Философ Е. Н. Трубецкой ввёл Скрябина в религиозно-философское общество, стараясь привить ему интерес к творчеству В. С. Соловьёва. Живя за границей, композитор тесно общался с Г. В. Плехановым. В московском доме Скрябиных бывали многие деятели русского духовного возрождения: С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, П. А. Флоренский. Близкими друзьями в конце жизни Скрябина стали виднейшие русские символисты К. Бальмонт, Вяч. Иванов и Ю. Балтрушайтис.

Однако, активно общаясь с представителями разнообразных философских и духовных направлений, Скрябин остался в рамках собственных философско-мистических представлений. Его духовные интересы явственно прослеживаются в опубликованных М. О. Гершензоном после смерти композитора «Записях» преимущественно дневникового характера¹.

А. Н. СКРЯБИН КАК СОЗДАТЕЛЬ МИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Профессиональные философы долго пытались обойти стороной проблему мистической направленности философских взглядов Скрябина. Но можно ли говорить об особом собственно философском учении Скрябина, вычлняя важнейшие темы – творчества, личности творца и философскую подоснову музыкального творчества [10]? Да, в традиционном историко-философском контексте это возможно.

Однако наиболее продуктивным представляется рассмотрение Скрябина-мыслителя как представителя уникальной линии мистической русской философии, формировавшейся в русле русского духовного возрождения и серебряного века конца XIX – начала XX вв., а конкретно –

в направлении *русского мистицизма*. Исследования мистико-философских воззрений Скрябина уже давно существуют в среде музыковедов, для которых было совершенно очевидно, что музыкальные композиции и проекты отражают сложное философско-мистическое мировоззрение Скрябина. Одним из первых исследователей этого направления был А. И. Бандура, который попытался даже воспроизвести онтологическую систему Скрябина на основе его записей и поздних музыкальных сочинений [2]. Целый ряд музыковедов (О. М. Томпакова, И. Л. Ванечкина, Б. М. Галеев и др.) пытались рассматривать мистико-философские взгляды Скрябина [1]. Философские взгляды Скрябина являются предметом рассмотрения искусствоведов [4; 5; 15].

Однако и музыканты, и искусствоведы, даже глубоко проникая в особенности творчества Скрябина-композитора и исполнителя, не всегда признают или учитывают собственно мистическую и главную смысловую составляющую его позднего творчества.

Как уникальное явление мирового значения русский мистицизм начал формироваться с последней четверти XIX в. в нескольких параллельных направлениях, предполагавших различные формы теоретического осмысления результатов мистического опыта, связанных и с философскими (онтологическими, гносеологическими, психофилософскими аспектами), и с естественнонаучными исследованиями, и с социально-философскими разработками. Но в первую очередь русский мистицизм был связан с конкретными и разнообразными духовными практиками [7, с. 279–280; 8, с. 225–236].

Скрябин выделялся среди русских мистиков тем, что, не будучи профессиональным философом (как Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Флоренский), тем не менее, стремился создать собственную систему мистической философии, причём не только в традиционном виде строгих логических построений, сколько в духовно-делательном, музыкальном творческом оформлении. По свидетельству

¹ Скрябин А. Н. Записки // Русские Пропилеи: материалы по истории русской мысли и литературы. Т. 6. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1919. С. 120-247.

Л. Сабанеева, Скрябин «... любил говорить, что чрез искусство он познал интуитивно большую часть того, что он воплотил после в систему своей философской доктрины, и что чудесным образом совпало с оккультными учениями восточных мистиков. «Если бы вы знали, – как-то сказал он мне, – сколько мне раскрылось чрез искусство, чрез музыку!» Для себя лично он этот путь искусства признавал единственным путём, ведущим его к поставленной им цели – духовного озарения»¹.

Скрябин был признанным мистиком (по определению биографа Л. Сабанеева – философствующий «мистик-композитор» и «художник, жаждущий быть мистиком»), и ему импонировал общий дух русского мистицизма, который характеризовался свободным обращением к мировому мистическому наследию, как восточному, так и западному. Скрябин подчёркивал необходимость личных духовно-практических усилий в любой области человеческого творчества и сохранял высокий нравственный пафос «мистического делания». Будучи светским синтетическим явлением, русский мистицизм развивался на пограничье философии, религии, науки и художественного творчества. Скрябин, как музыкант, выявлял особые возможности композиторского и исполнительского творчества в качестве прикладной сферы реализации его философско-мистических построений. Музыка была для него духовным деланием, уникальным философско-мистическим практикумом.

Как известно, с 1902 г. Скрябин разрабатывал философско-мистический проект так называемой «Мистерии». Речь шла о некоем синтетическом действе, в котором на основе уникального мистико-философско-художественного произведения создавалось новаторское музыкально-литургическо-театрализованное представление. От своего ближайшего окружения Скрябин не скрывал особенность проекта: «Мистерия» должна была стать глобальным, общечеловеческим и космическим действием, ведущим к полному преображе-

нию всего человечества. Для многих это было пророчеством близкого конца света и общемировой катастрофы.

«Мистерия» должна была стать вершиной мистической философии Скрябина. В своей известной обличительной статье «Мировоззрение Скрябина» (1919–1921) А. Ф. Лосев характеризовал композитора как «анархо-мистического» солипсиста. А. Ф. Лосев писал: «Сущностью этой скрябинской философии «я» является именно мистериальный характер этого «я» с необходимым привлечением мистического историзма, охватывающего сокровенные судьбы мира и Бога»².

Характерно, что два последних года своей жизни Скрябин посвятил не созданию музыкальной партитуры «Мистерии», а написанию *поэтического текста*, так называемого «Предварительного действия». По свидетельству друзей Скрябина (Е. Ф. Гнесиной, Л. Сабанеева, Б. Шлёцера и др.), вся музыка «Мистерии» была уже в голове у композитора, и он говорил только о необходимости её записать. Примерно с лета 1913 года Скрябин мучительно пережил духовный поворот от создания всей «Мистерии» к работе над подготовительным произведением к ней, так называемому «Предварительному действию». Б. Шлёцер писал: «Название «Предварительное действие» сначала не очень нравилось Скрябину: он искал другого, но не находил. «Это действительно действие, – говорил он. – Оно должно подготовить нас всех, служить естественным переходом, связующим звеном между существующим и будущей Мистерией»³.

Осенью 1913 г. «Предварительное действие» (далее – «ПД») уже полностью занимало мысли Скрябина, и он использовал для него материалы, которые сначала готовились для «Мистерии». По воспоминаниям Б. Шлёцера: «Скрябин всегда,

¹ Сабанеев Л. Скрябин. 2-е изд. М.; Петроград, 1923. С. 31.

² Лосев А. Ф. Мировоззрение Скрябина // Лосев А. Ф. Страсть к диалектике: литературные размышления философа. М.: Советский писатель, 1990. С. 267.

³ Шлёцер Б. Ф. Записка о «Предварительном Действии» // Русские Прописки: материалы по истории мысли и литературы Т. 6. М., 1919. С. 103.

до самого конца, настаивал на том, что Предварительное Действо есть только пролог к Мистерии, и по существу – акт очищения и посвящения, но для тех, кто близко и внимательно следил за его духовной жизнью, было ясно, что новое произведение приобрело для него совершенно самостоятельное значение и стало самоцелью¹.

В «ПД» сохраняются те же принципы, что и в глобальном проекте, в частности, неразрывное единство музыки, поэзии, танца и других видов искусства.

«Мистерия», как мистико-философско-художественное «произведение», уже при жизни композитора вполне закономерно рассматривалась в русле целостного развития русского духовного возрождения (как явления философско-религиозного) и серебряного века (как явления художественного). Текст ПД был одним из явлений русского символизма, а музыкальные произведения зрелого периода могут определяться по-разному, учитывая творческое новаторство Скрябина: в терминах импрессионизма, авангардизма и т. д. Как глобальный акт вселенского творческого преображения человечества, пророчествуемый Скрябиным, «Мистерия» – это мощный многоаспектный символ, который опирается на целую систему обобщающих символов русской культуры на рубеже XIX и XX веков.

Рассмотрим некоторые мистико-философские положения, которые определяют своеобразие духовно-творческого замысла гениального русского композитора и мыслителя.

«Мистерия» – это общепланетарный и космический акт, к которому Скрябин, как Посвящённый, считал себя призванным подготовить и подвести человечество. «Мистерия» – это непосредственное отражение мистического опыта Скрябина. Первоначально в «Мистерии» Скрябин-мыслитель хотел символически отразить одновременно три сущностно единых процесса: эволюция Вселенной («космогенез»), развитие человеческих «рас» («антропогенез») и история становления чело-

веческого индивидуального духа. Именно попытка совмещения макрокосмического, планетарного и психологического процессов – суть уникального творческого эксперимента Скрябина.

Б. Шлёцер писал в своём предисловии к публикации «ПД» композитора: «... план Мистерии – история человеческих рас, как процесса разделения и погружения Духа в материю и обратного возвращения к единству, процесс космической эволюции и инволюции, рассматривается им, конечно, как процесс исключительно духовный, точнее – психический. <...> Его задача состояла теперь в том, чтобы выразить интуицию свою в символах. Отсюда этико-лирический характер всего произведения, которое есть одновременно сказание о вселенной и воплощение личных переживаний»².

Изначальный эзотерический смысл творческого порыва Скрябина – глубинно-мистическое прозрение того, что «... необходимо вскрыть космический смысл каждого личного переживания; история одного чувства, одного стремления есть история вселенной» (так передаёт слова Скрябина Шлёцер³).

Понятно, что речь идёт не о любом человеческом чувстве, а о том уникальном и единственном в своём роде, которое Скрябин, как мистик, пережил в своём озарении. И тогда он, как английский мистик, поэт и художник У. Блейк, мог «в одном мгновении видеть вечность, огромный мир – в зерне песка»; или воскликнуть, как мистик, философ и поэт Вл. Соловьёв: «Что есть, что было, что грядет веками – всё обнял тут один недвижный взор...».

РУССКИЕ ФИЛОСОФЫ О «МИСТЕРИИ» СКРЯБИНА

«Мистерию» Скрябина русские философы (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, Вяч. Иванов) ассоци-

¹ Там же. С. 105.

² Шлёцер Б. Ф. Записка о «Предварительном Действии» // Русские Пропилеи: материалы по истории мысли и литературы Т. 6. М., 1919. С. 114.

³ Там же. С. 114.

ировали с теургией, мистико-магическим актом и высоко оценили пророчески-теургическую миссию Скрябина сразу после смерти композитора.

Но решение теургической проблемы в творчестве Скрябина не воспринималось однозначно. С. Булгаков писал: «Если же видеть здесь «проект» чуда, совершаемого искусством, причём самому художнику усваивается роль теурга или мага, тогда приходится видеть здесь типичный подмен софиургийной задачи эстетическим магизмом, причём соблазн лжемессианизма ведёт к человекобожию и люциферизму (не без явного влияния теософических идей)»¹.

Против разрушения Скрябиным «устойчивых звуковых структур» возражал П. А. Флоренский, причём именно с позиций соотношения «реальных пределов музыки» и её «магического воздействия». По мнению русского философа-богослова, Скрябин уходит в активную «подавленность собственными настроенями», осуществляет «... иллюзионистически магическую подстановку вместо реальности своих мечтаний». Не ощущая «недр бытия», живёт в призрачности².

То, что для Флоренского было «магизмом» и недопустимым (с точки зрения православного священника) проявлением оккультных сил в творческой деятельности (в чём философ сходил и с оценками А. Ф. Лосева), для самого Скрябина было реальным отражением в человеческой деятельности уже свершившихся необратимых изменений в общекосмической истории и необходимом приготовлении к неизбежному этапу человеческого преобразования, как дематериализации всего известного нам мироздания.

Исследователи нередко меняют местами причину и следствие. Скрябин не готовил космический акт преобразования челове-

ства, а готовился к нему. Он был мистиком и считал, что ему открылось сокровенное знание, доступное только посвящённым. По воспоминаниям Л. Сабанеева, Скрябин говорил: «Ведь не я делаю Мистерию, я только знаю, что Мистерия будет, я сообщаю о ней и содействую. «ПД» есть одна из форм этого содействия»³.

ИСТОКИ СОЗДАНИЯ «МИСТЕРИИ» СКРЯБИНА

Творчество Скрябина было единственным возможным для него способом подготовить человечество к тому неизбежному, о чём оно не знало. В конце жизни, полностью освободившись от своего «человекобожества», Скрябин неоднократно подчёркивал собственную роль жертвы, или обречённого на подвиг во имя будущего человечества. «Теургичность» его творчества заключается отнюдь не в том, чтобы человеческими усилиями преобразить Космос, а в том, чтобы наконец синхронизировать человеческую творческую ответственность с высшими космическими законами и ритмами, осуществляя единую и единственную высшую цель совершенствования – Преображение.

Представляется, что в целях адекватного рассмотрения мистико-философских воззрений Скрябина необходимо признать и уяснить основные истоки мистической философии Скрябина. На наш взгляд, можно согласиться со многими современниками и исследователями творчества мыслителя, которые подчёркивали, что основные цели и задачи создания «Мистерии» были связаны с усвоением Скрябиным поразивших его философско-мистических идей теософии Е. П. Блаватской, теософов начала XX в., антропософии Р. Штейнера, а также доступных ему источников древневосточной философии (правда иногда – в западной интерпретации; так, известная поэма Э. Арнольда «Свет Азии», излагающая основы буддизма, была одной из любимых книг Скрябина).

³ Сабанеев Л. Скрябин. 2-е изд. М.; Петроград, 1923. С. 12.

¹ Булгаков С. Н. Свет невечерний. М.: Республика, 1994. С. 335.

² Флоренский П. А. Из письма к дочери О. П. Флоренской. Соловецкий лагерь, 23.03.1937 // Трубачев С. З. Музыкальный мир П. А. Флоренского. Советская музыка, 1988, №9. С. 99-100.

Как свидетельствуют биографы композитора, глобальная «Мистерия» Скрябина была задумана после его знакомства в Париже с учением Е. П. Блаватской, основательницы и руководительницы международного и чрезвычайно влиятельного Теософского общества, создательницы универсального, всечеловеческого практического учения. Деятельность Теософского общества и творчество Блаватской были непосредственным подготовительным этапом для восприятия наследия древневосточных культур и религий в Европе, Северной Америке и России, определив существенные трансформации культуры уже с конца XIX в.¹ Теософия Блаватской позиционировала себя как «не религия» и «не философия», но как «особый путь к прямому постижению истины» в непосредственном опыте отдельного субъекта. Своё фундаментальное сочинение «Тайная доктрина» Е. П. Блаватская написала на основе древней «Книги Дзиан», представленной ей учителями в далёком тибетском монастыре. Ученичество Блаватской на Тибете и в Индии, опора не столько на книжное предание, сколько на личный духовно-практический опыт и непосредственное руководство Учителей, получение информации в изменённом состоянии сознания – всё это были абсолютно новаторские подходы. Однако Блаватская целенаправленно создавала не философско-мистическую, а оккультно-мистическую систему [7, с. 195-240].

В социально-философском плане теософия явилась основой создания нового всемирного (объединяющего Запад и Восток), синтетического (соединяющего религию, науку и философию) и демократического (доступного всем слоям населения, независимо от социального положения, расы, национальности, уровня образования) мировоззрения и сформированного на его основе нового образа жизни. Блаватская, находясь во главе многотысячного Всемирного Теософского Общества, на

деле воплотила идею создания универсального наднационального (общепланетарного) единения людей. Напомним, что штаб-квартира Теософского общества находилась в Индии; именно с этой страной была связана многолетняя (легендарная и скандальная) деятельность Блаватской, которая своими трудами сформировала в русской публике устойчивый миф о «мистической Индии». В начале XX в. интерес к теософии в России был довольно устойчивым, хоть и весьма неоднозначным².

Теософия в значительной степени определила творческое мировоззрение Скрябина. Как свидетельствовали биографы и собственные письма композитора, во время лондонских гастролей он увлёкся теософией, чему способствовал его приятель А. Н. Брянчанинов, известный издатель. В одном из писем Скрябин сообщал: «Предстоит обед с теософами. Состоится он у некоего Вида (*в действительности, скорее всего, Дж. Р. С. Мида. – В. К.*), который 32 года был секретарём теософского общества (со времени его основания). <...> Познакомлюсь я у него с дамой, на руках которой скончалась Блаватская? Вообще этот обед обещает много. Александр Николаевич (*Брянчанинов. – В. К.*) каждый день собирает всё новые сведения об Индии, разыскивает интересных и сведущих по вопросам оккультизма людей, знакомит меня с ними и вообще возбуждает меня к деятельности»³.

Скрябин, никогда не бывавший в Индии, именно там намеревался построить свой храм для осуществления «Мистерии». Он хотел купить участок земли и заложить фундамент храма, запланировав поездку в Индию на зиму 1915 г. Вопрос о точном месте и времени исполнения «ПД» он не хотел решать до этого путешествия. Отдавая себе отчёт в неизбежном несовпадении его мечты об Индии с реальной страной, Скрябин, тем не менее, называл себя «большим ин-

¹ Кряжева-Карцева Е. В. Теософия и её судьба в России в начале XX в. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2003. №2. С. 173–183.

² Кряжева-Карцева Е. В. Теософия и её судьба в России в начале XX в. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2003. №2. С. 173–183

³ Скрябин А. Н. Письма. / Сост. и ред. А. В. Кашперова. Вст. ст. В. Ф. Асмуса. М.: Музыка, 1965. С. 630.

дусом, чем сами индийцы». Как свидетельствовал Шлёцер, музыкант говорил: «Мне нужен только намёк, толчок, не географическая Индия меня интересует, но Индия в себе, те чувства, те переживания, которые в пространстве выражает, воплощает реальная Индия»¹.

По воспоминаниям Л. Сабанеева, «Скрябин часто выражался терминами теософской литературы, он был довольно начитан в ней, он питал большое уважение к Блаватской, и её «*Doctrine secrete*» была у него вроде настольной книги»². О влиянии теософии на мировоззрение Скрябина пишут и современные исследователи³ [1; 11; 14].

Учитывая глубокий интерес Скрябина к «Тайной Доктрине» Е. П. Блаватской (настольной книги композитора, по свидетельствам его биографов), мы можем ответить на сакраментальный вопрос о том, почему последние два года жизни композитор Скрябин создавал *поэтический* сценарий своей «Мистерии», не оставив потомкам даже черновика музыкальной партитуры. Безусловно, небезынтересными являются попытки сравнить космогонию Скрябина с системами Платона и А. Ф. Лосева [12]. Тщательно проработав первый том «Тайной Доктрины» (космогенезис), Скрябин пытался философско-художественными средствами раскрыть сущность происхождения Вселенной и определение места человечества в ней.

Блаватская пишет: «Эзотерическая теогония начинается с Единого Проявленного... Числа Чисел и Перечисленных – последние происходят от Гласа, Вак (женского начала) «о Ста формах»...» [3, с. 142]. (Ср. в Библии: «В начале было Слово...» (Иоанн 1, 1).)

По теософскому учению, начало космогенеза можно описать так: сначала Бог (Единый) пожелал создать Вселенную. Эта Причина – Божественная Мысль – поро-

дила первичный Глас. В действительности, божий Глас есть «Воинство Гласа», т. е. не просто отдельный звук, а сочетание звуков, имевшее глубокий изначальный (а для людей – сакральный) смысл. (В каббале и в христианстве это учение смыкается с понятием о Логосе – «Слове» в «Сефер Йецире» и в Библии.) При этом, «Воинство Гласа» – это синтез семи «чувств»: слуха, зрения, обоняния, осязания, вкуса, а также ума и понимания. Ум руководит остальными чувствами.

Скрябин считал необходимым создать поэтическую основу (магическую речь) будущего действия⁴. (Известны его более ранние поэтические опыты – хор к 1-й симфонии, 1900 г.; комментарий к «Поэме экстаза», 1906 г.) Вначале для создания текста «Мистерии» Скрябин хотел использовать санскрит, как источник многих современных языков. Потом он даже намеревался создать новый, собственный язык, отражающий динамику его музыки (которую неслучайно критики называли «нечеловеческой»). Б. Шлёцер вспоминал рассуждения Скрябина: «Мне необходимо будет, говорил он незадолго до смерти, создать свой собственный язык, погрузившись всецело в стихии музыки и танца; современная речь слишком неподвижна, зафиксирована; нужно вернуть слову его движение, сделать его более текучим, гибким, усилить певучесть его. Через санскрит, быть может, необходимо пройти, но подняться нужно ещё выше»⁵. По свидетельству Л. Сабанеева, «... «язык» Мистерии должен был быть всемирным, синтетическим языком, полученным как следствие воссоединения раздробленности нынешнего разнообразия языков»⁶.

Общение с русскими символистами, судя по всему, убедило Скрябина в огромном философско-мистическом потенциале

¹ Шлёцер Б. Ф. Записка о «Предварительном Действии» // Русские Пропилеи: материалы по истории мысли и литературы Т. 6. М., 1919. С. 110.

² Сабанеев Л. Скрябин. 2-е изд. М.; Петроград, 1923. С. 28.

³ Ганина Л. «Блаватская была для него священным авторитетом». А. Н. Скрябин – философ-музыкант // Восход. Рассазия. №7 (267), Июль, 2016. С. 7–11.

⁴ Скрябин А. Н. Записки // Русские Пропилеи: материалы по истории русской мысли и литературы. Т. 6. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1919. С. 120–247.

⁵ Шлёцер Б. Ф. А. Скрябин. Т. 1. Личность. Мистерия. Берлин: Грани, 1923. 291 с.

⁶ Сабанеев Л. Скрябин. 2-е изд. М.; Петроград, 1923. С. 46.

русского языка. Также композитор осознал, что музыка, как отдельный вид искусства, – явление довольно позднее в человеческой культуре. Что «в начале» – как в космогенезисе, так и в антропогенезисе – было Слово, т. е. неразрывное сочетание звука и ритма. Он был убеждён в том, что музыка в собственно человеческом понимании – это, по существу, абстрактное воспроизведение процесса говорения, проговаривания конкретного текста, на ранних исторических этапах – магического, религиозного, сакрального текста. Слитая со словом, музыка постепенно эмансипируется в область абстрактных представлений, не порывая со сферой чувственных переживаний, которые остаются её смыслом и содержанием.

Очевидно, Скрябин, исходя из собственной интерпретации теософских предпосылок, стремился создавать музыку не столько для «чувств», сколько для ума (Разума). И она является лишь одним из способов творческого проявления и развития человека. С точки зрения существующих видов человеческого творчества «Мистерия» – это новая и небывалая форма «Всеискусства», в которой воедино сплавляется всё разнообразие дифференцированных доселе искусств на основе общих духовных принципов (энергетических, психодейательных, мистико-религиозных и пр.).

Учитывая теософские влияния и философско-мистические основания «Мистерии» Скрябина, мы уже довольно подробно рассматривали её символическую структуру [17].

ПАРАЛЛЕЛИ СКРЯБИНСКОЙ «МИСТЕРИИ» В РУССКОМ И МИРОВОМ МИСТИЦИЗМЕ

В настоящий момент представляется важным показать, что на первый взгляд одинокие философско-мистические поиски Скрябина в музыке, в действительности были вписаны в определённые мировые мистицизмом (в том числе русским) наиболее перспективные новаторские творческие тренды.

В начале XX в. ещё один русский мистик Г. И. Гурджиев (1877–1949) мечтал создать Международный Институт гармонического развития человека, в котором ученики должны осваивать комплекс искусств (музыки, танцев, особых сакральных движений – наряду с постижением необычных философско-мистических идей и текстов). Гурджиев утверждал, что являлся носителем древней суфийской традиции Востока [7, с. 241–278]. Он создал практическую систему особых «движений» и танцев для «расширения сознания», реального усвоения нового эмоционального опыта и интеллектуальной информации. После ухода из жизни Учителя его система (единство сакральных текстов, музыки и особых движений) сохраняется в группах ближайших учеников и последователей вплоть до сегодняшнего дня [19].

Скрябин, развивая теософские идеи в русле «Всеискусства», творил и мыслил в унисон с учителем Г. Гурджиевым, осознавая единство и взаимодополнительность различных видов искусства, а главное – отдавая главную роль философско-мистическим текстам, музыке и танцу. Так, по свидетельству Л. Сабанеева, Скрябин немногим близким друзьям говорил о некоем «заключительном, оргиастическом, последнем танце, который должен был завершать Мистерию»¹.

Как и А. Н. Скрябин, Г. И. Гурджиев разработал собственную музыкальную теорию «объективной музыки» [17; 13, с. 156–157], которая должна была восприниматься в синтезе с идеями, движениями и танцами гурджиевской школы.

Сегодня понятие «глобализации» является общепризнанным, а в конце XIX и начале XX в. мистические течения разных стран сливались в общее русло развернувшейся к объединению человеческой культуры. Вряд ли стоит удивляться тому, что у различных мистиков на этом историческом этапе обнаруживаются столь поразительные совпадения в целях, проектах и общих идеях.

¹ Сабанеев Л. Скрябин. 2-е изд. М.; Петроград, 1923. С. 45.

Отмечая закономерные параллели творчества А. Скрябина в деятельности зарубежных мистиков, в первую очередь необходимо выделить фигуру Хазрата Инайят Хана (1882-1927). Как и Г. Гурджиев, Инайят Хан нёс «Суфийское послание» на Запад и в Россию через пропаганду классической индийской музыки и религиозно-философских и мистических идей. Одной из наиболее известных и до сего дня популярных его книг является «Мистицизм звука» [6]. Инайят Хан был кумиром русской образованной публики 1910-х гг., живо интересовавшейся индийской и другими восточными культурами. Если Скрябин мечтал переместить реализацию своего «проекта» «Мистерии» в Индию, то в начале XX в. Восток пришел в Россию. Инайят Хан, получивший оглушительную известность на Западе, сначала был приглашен из Парижа с концертами в знаменитое московское кабаре «Максим», а затем его тепло приняли в профессиональных музыкальных и литературно-художественных кругах России. Характерно, что наряду с музыкантами и композиторами Московской консерватории и музыкально-этнографической комиссии, Инайят Хан был дружен и с символистом Вяч. Ивановым, который, как мы видели, сыграл немалую роль в поддержке философско-мистического проекта А. Н. Скрябина. Именно в салоне Вяч. Иванова в январе 1914 г. русский композитор познакомился с индийским музыкантом. Затем они ещё несколько раз встречались. Скрябин приглашал Инайят Хана в свой дом в Николопесковском переулке (где сейчас находится музей композитора). Сын Хазрата Инайят Хана вспоминал во Вступительном слове к русскому изданию книги своего отца: «Во время пребывания в Москве Хазрат Инайят Хан обсуждал со Скрябиным сочинение симфонии, которая называлась бы «Мистерия»...» [6, с.2].

Своё «Суфийское послание» Инайят Хан и его последователи сравнивали с «космической симфонией» и «мистерией божественной Любви», ведущей к мистическому озарению. Известно, что Хазрат Инайят Хан на определённом этапе своего

духовного развития прекратил заниматься музыкой, стремясь передать «тонкие вибрации невидимого света и неслышимого звука» в цикле своих религиозно-мистических сочинений.

Таким образом, Хазрат Инайят Хан через духовную музыку обрёл индивидуальное высшее мистическое озарение, которое затем стремился передать людям в мистическом Слове. А Скрябин надеялся в своём «Всеискусстве», включавшем и мистически ориентированную музыку, и вдохновенное слово, подвести всё человечество к мистическому Преображению.

Скрябинский проект всемирного братства и сотворчества в философско-мистическом ключе, в значительной степени вдохновлённый всемирным Теософским Обществом Е. П. Блаватской, органично вписался в целое направление религиозных и философско-мистических проектов начала XX в. по созданию всемирных общин, отрицающих национальные, половые, религиозные, возрастные, профессиональные и прочие различия людей. Начало XX в. ознаменовано появлением целого ряда международных ашрамов на Востоке (вначале – в Индии и на Шри-Ланке) и центров восточных культур (в первую очередь буддизма и дзен-буддизма) в Европе и Америке.

Из международных духовных центров, задуманных и возникших параллельно со вселенским замыслом Скрябина, а также в значительной степени связанных с теософией, можно назвать Гетеанум Р. Штейнера, всемирный центр Антропософского движения, возведённый в 1913–1919 годах XX в. (г. Дорнах, Швейцария). Антропософия, как учение Рудольфа Штейнера (1861–1925), отделившееся от теософии, хотя и было ориентировано не на восточную, а на европейскую культуру, претендовало на вселенское значение. Уникальное здание, спроектированное Штейнером и возведённое усилиями его учеников (включая известных русских последователей «Доктора» – А. Белого, Асю Тургеневу, М. Волошина, Маргариту Сабашникову и др.), представляло собой

некую модель Вселенной. (Как известно, первое здание Гетеанума сгорело в 1922 г.; второй Гетеанум был возведён в 1923–1927 гг.) Современные путешественники сравнивают его с «космическим кораблём внеземной цивилизации», возвышающимся над зелёными холмами живописного Дорнаха¹.

По свидетельству Шлёцера, Скрыбин мечтал об особом здании для проведения Мистерии. В 1903–1906 гг. он представлял себе гигантское круглое здание под высоким куполом, правильное полушарие, окружённое водой, чтобы, отражаясь в ней, создавалось впечатление полной сферы (эскиз подобного сооружения опубликован М. Гершензоном в «Записках» Скрыбина. Затем Скрыбин уже говорил о целой системе зданий среди лесов (причём и сами работы по возведению храма он включал в Мистирию). Всё более воодушевляясь своим проектом, Скрыбин говорил о подвижных, изменчивых строениях, об «архитектурном танце»: применении световых эффектов для создания миражных форм, о дымных ароматных завесах, о столбах из фимиама, о прозрачных поверхностях, в нужный момент становящихся невидимыми. Шлёцер вспоминает: «Однажды у Скрыбина вырвалось: «Быть может, придётся в последний момент разрушить этот храм, опрокинуть стены и выйти на простор, под небо»².

Итак, в проекте Скрыбина здание «Мистерии» в Индии было предназначено для единственного священного действия, после которого должно было наступить Преображение всего человечества; а для Штейнера и его последователей Гетеанум был особым храмом для регулярного проведения антропософских церемоний. Часть из них представляла собой особые ритуализованные действия, в основе которых лежала особая система движений,

визуализирующих звуки, под названием «эвритмия» [18].

Одной из значимых параллелей «все-человеческого братства» Скрыбина можно назвать реально воплощённый проект индийского философа-мистика Шри Ауробиндо Гхоша (1872–1950) и его соратницы Мирры Альфасса (которую ученики называли Матерью) (1878–1973). Речь идёт об основанном в 1968 г. и донныне действующем всемирном городе Ауровиль («город рассвета»), в индийском штате Тамилнад. В 1966 г. ЮНЕСКО приняла резолюцию о его полной поддержке, рассматривая Ауровиль как важный проект будущего человечества. Он объединяет 2000 представителей более чем 50 стран мира, живущих в гармонии с природой, вне каких бы то ни было религиозных, политических и национальных различий. Правда, всемирный город является светским, категорически отличаясь от ашрама Шри Ауробиндо в Пудучерри, полурелигиозной организации последователей интегральной йоги. Концепции Скрыбина перекликаются с развитой позднее интегральной йогой Шри Ауробиндо Гхоша. Идея подключения физических работ к интеллектуально-художественному творчеству ради достижения мистической трансформации у Скрыбина едина с введением карма-йоги в ашраме Шри Ауробиндо и в Ауровиле. В мастерских и на ручных производствах ашрама и города и сегодня физический труд сочетается с разработанной Матерью духовной программой. Мощным символом учения Шри Ауробиндо и единения Ауровиля с Космосом является «Матримандир» (Дом Матери), место ежедневной медитации всех жителей. Это «Золотой храм Истины», духовный и географический центр Ауровиля, символ единой коллективной души, который представляет собой гигантскую сферу (как и один из проектов мистериального здания Скрыбина). Правда, в Матримандире всегда сохраняется космическая тишина, располагающая к глубокой медитации³.

¹ Гётеанум: архитектурный образ Вселенной [Электронный ресурс]. URL: <http://marinagra.livejournal.com/> Гётеанум: архитектурный образ Вселенной. 12.09.2017 (дата обращения: 15.11.2019).

² Шлёцер Б. Ф. А. Скрыбин. Т. 1. Личность. Мистерия. Берлин: Грани, 1923. С. 297–299.

³ Подробно о жизни Ауровиля см.: Ауровиль – город рассвета [Электронный ресурс]: [сайт]. URL:

Ещё одной интересной параллелью «Мистерии» А. Н. Скрябина являются творческие эксперименты знаменитого художника-абстракциониста В. В. Кандинского (1866-1944), убеждённого сторонника объединения различных видов искусств под влиянием теософских идей. Его знаменитая книга «О духовном в искусстве» (1911) стала декларацией абстракционизма, а в действительности – утверждением особой теософской практики в живописи, основанной на переосмыслении эмоционального и психо-философского воздействия цвета, линии и ритма в живописи. В. Кандинский играл на виолончели и фортепиано, любил театр, в живописи использовал музыкальные «мотивы», называя свои художественные произведения «композициями» и «импровизациями». Для Кандинского, как и для Скрябина, соединение музыки и цвета было органичным, правда, в отличие от композитора, художник не был синестетиком, и его практика полностью отталкивалась от теософских теорий. У Скрябина же мистический опыт сочетался с врождённым синестетическим восприятием единства музыки и цвета, в связи с чем он впервые в истории музыки применил цвето-звуковые эффекты при исполнении наделавшей шума симфонии «Прометей» (1910). В своей музыкальной гостиной Скрябин отлаживал созданный им специальный свето-цветовой аппарат – «*tastiera per luce*» для сопровождения музыкальных композиций.

В работах Кандинского соединение звука и цвета носило экспериментально-художественный смысл. В 1910-е годы Кандинский создал 4 сценические композиции: «Зелёный звук», «Фиолетовый занавес», «Чёрный и белый» и «Жёлтый звук» (либретто последней было опубликовано в альманахе «Синий всадник» в 1912 г.). В 1914 г. Кандинский занимался подготовкой постановки «Жёлтого звука» в Мюнхене. По его замыслу, композиция гармонично соединяла музыку, цвет, пластику и слово, т. е. оркестр, цветные про-

екторы, пантомиму и певцов. Видимо, не случайно Кандинский над этим проектом работал вместе с Фомой Гартманом (Thomas de Hartmann, 1885–1956), известным русским музыкантом и композитором, позже присоединившимся к Институту Г. И. Гурджиева во французском Приэре и много сделавшим для профессиональной записи «объективной музыки» Учителя [16, р. 484]. К сожалению, первая мировая война нарушила планы Кандинского. Впервые «Жёлтый звук» был поставлен лишь 12 мая 1972 г. в Музее Гутенхайма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Введение исследований творчества Скрябина в профессиональное философское поле является чрезвычайно актуальным. Как мы показали, наиболее адекватными представляются работы в русле русской мистической философии, с учётом характерных особенностей русского мистицизма. Рассматривая наиболее яркие духовные параллели деятельности Скрябина в различных учениях и проектах русских и зарубежных мистиков, можно подчеркнуть и его уникальность. Ни один из упомянутых международных и общечеловеческих проектов, в отличие от скрябинской «Мистерии», не предполагал проведения небывалого «управляемого Апокалипсиса», как его задумывал русский композитор-мистик. Провозвестник неизбежного будущего преображения человечества, Скрябин, безусловно, развивал теософские идеи Е. П. Блаватской о смене человеческих «рас». Точнее, он предугадывал непосредственный процесс перехода человечества из одного духовного состояния в другое. Но русский мистик-композитор также следовал глубинным традициям в истории мирового мистицизма, придававшим особое значение музыке в процессе духовного преобразования человечества (от древнейшего ведического учения, пифагорейской «музыки сфер», учения Платона – до розенкрейцерской космогонии, и вплоть до упоминавшихся учений Инайят Хана и Г. И. Гурджиева).

Представляется, что именно в будущем синтезе философских, психологических, музыкологических и искусствоведческих исследовательских усилий станет возможным раскрытие ключевых моментов философско-мистико-художественного феномена «Всеискусства» А. Н. Скрябина и подлинных этапов реализации его «Мистерии».

Статья поступила в редакцию 14.04.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бандура А. И. Александр Скрябин. Челябинск: Аркаим, 2004. 383 с.
2. Бандура А. И. Иные Миры Александра Скрябина. М.: ИРИС-ПРЕСС, 1993. 24 с.
3. Блаватская Е. П. Тайная доктрина. В 2-х т. М.: Сирин, 1993. Т. 1, кн. 1. 369 с.
4. Зорилова Л. С. А. Н. Скрябин. Путь к мистерии. Духовно-творческий поиск в контексте становления музыкального искусства. М.: Академический проект, 2020. 204 с.
5. Зорилова Л. С. О философском мировоззрении А. Н. Скрябина // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. №6 (74). С. 80–86.
6. Инайят Хан. Мистицизм звука. М.: Сфера, 1997. 336 с.
7. Кравченко В. В. Вестники русского мистицизма. М.: Издатцентр, 1997. 299 с.
8. Кравченко В. В. Мистицизм в русской философской мысли XIX – начала XX вв. М.: Издатцентр, 1997. 279 с.
9. Кряжева-Карцева Е. В. Теософия и её судьба в России в начале XX в. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2003. №2. С. 173–183.
10. Михайлова Л. Е. А. Н. Скрябин как философ серебряного века // Философско-исторические аспекты общественной жизни: сб. науч. тр. Тверь, 2005. С. 61–68.
11. Самохин В. П., Мещеринова К. В. Памяти Александра Николаевича Скрябина (1872–1915) // Наука и образование. Сетевой периодический журнал МГТУ им. Н. А. Баумана. Приложение к номеру: история технического прогресса. 2015. №8. С. 324–357.
12. Серова Н. С. Космогония А. Скрябина в свете философских систем Платона и А. Ф. Лосева // Известия Самарского науч. центра РАН. 2015. Т. 17. №1–2. С. 503–510.
13. Фаликов Б. Величина качества. Оккультизм, религии Востока и искусство XX в. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 256 с.
14. Федоровцев В. Г. Влияние теософии на мировоззрение и творчество А. Н. Скрябина // Colloquium – Journal. №1–2 (25). 2019. С. 32–33.
15. Шумилин Д. А. Скрябин – музыка – философия: к методологии проблемы // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. №101. С. 258–261.
16. Kravchenko V. The Objective music in Georgij Gurdjieff's Teaching // Music. Senses. Body. / Ed. by D. Martinelli. Acta Semiotica Fennica XXXII. Univ. of Roma Tor Vergata, 2008, pp. 464–487.
17. Kravchenko V. The symbolic structure of Alexander Scriabin's "Mystery" // Music and the Arts. In 2 vol. / Ed. E. Tarasti. Acta Semiotics Fennica XXIII. Imatra, Helsinki, 2006, vol. 2, pp. 712–722.
18. Poplawski, Thomas. Eurythmy: a short Introduction to the art of movement. Edinburg: Floris books, 2015. 128 p.
19. Salzman, Jeanne de. Die wirklichkeit des Seins – Der Vierte Weg Gurdjieffs. Chalice, Xanten, 2017. 344 p.

REFERENCES

1. Bandura A.I. *Aleksandr Skryabin* [Alexander Scriabin]. Chelyabinsk, Arkaim Publ., 2004. 383 p.
2. Bandura A.I. *Inye Miry Aleksandra Skryabina* [Other Worlds of Alexander Scriabin]. Moscow, IRIS-PRESS Publ., 1993. 24 p.
3. Blavatskaya E.P. *Tainaya doktrina* [The Secret Doctrine]. In 2 vol. Moscow, Sirin Publ., 1993. Vol. 1. 369 p.
4. Zorilova L.S. A. N. Skryabin. *Put' k misterii. Dukhovno-tvorcheskii poisk v kontekstestanovleniyamuzыkal'nogoiskusstva* [A. N. Scriabin. The Path of Mystery. Spiritual and Creative Search in the Context of Development of Musical Art]. Moscow, Akademicheskii projekt Publ., 2020. 204 p.
5. Zorilova L.S. [On A. N. Scriabin's philosophical outlook]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts], 2016, no. 6 (74), pp. 80–86.

6. Inayat Khan. *Mistitsizm zvuka* [The Mysticism of Sound]. Moscow, Sfera Publ., 1997. 336 p.
7. Kravchenko V.V. *Vestniki russkogo mistitsizma* [Messengers of Russian Mysticism]. Moscow, Izdatsentr Publ., 1997. 299 p.
8. Kravchenko V.V. *Mistitsizm v ruskoifilosofskoi mysli XIX – nachala XX vv.* [Mysticism in Russian philosophy of the 19th – early 20th centuries]. Moscow, Izdatsentr Publ., 1997. 279 p.
9. Kryazheva-Kartseva E.V. [Theosophy and its fate in Russia in the early twentieth century.]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istorija Rossii* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia], 2003, no. 2, pp. 173–183.
10. Mikhailova L.E. A. N. Skryabin kak filosof serebryanogo veka [A. N. Skryabin as the philosopher of the Silver Age]. In: *Filosofsko-istoricheskie aspekty obshchestvennoi zhizni* [Philosophical and Historical Aspects of Public Life: Collection of Proceedings]. Tver, 2005. pp. 61–68.
11. Samokhin V.P., Meshcherinova K.V. *Pamyati Aleksandra Nikolaevicha Skryabina (1872–1915)* [In Memory of Alexander Nikolayevich Scriabin (1872–1915)]. In: *Nauka i obrazovanie. Setevoi periodicheskii zhurnal MGTU im. N. A. Baumana. Prilozhenie k nomeru: istoriya tekhnicheskogo progressa* [Science and Education. Network Periodic Journal of Bauman Moscow State Technical University. Appendix to the issue: the history of technical progress], 2015, no. 8, pp. 324–357.
12. Serova N. S. [Cosmogony A. Scriabin in the light of the philosophical systems of Plato and A. F. Losev]. In: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Samara Research Center, Russian Academy of Sciences], 2015, vol. 17, no. 1–2, pp. 503–510.
13. Falikov B. *Velichina kachestva. Okkul'tizm, religii Vostokaiiskusstvo XX v.* [The Value of Quality. Occultism, Eastern Religions and the Art of the Twentieth Century]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review] Publ., 2017. 256 p.
14. Fedorovtsev V.G. [The influence of theosophy on the worldview and work of A. N. Scriabin]. In: *Colloquium – Journal*, no. 1–2 (25), 2019, pp. 32–33.
15. Shumilin D.A. [Scriabin – music – philosophy: on the methodology problem]. In: [Bulletin of Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen], 2009, no. 101, pp. 258–261.
16. Kravchenko V. The Objective music in Georgij Gurdjieff's Teaching // *Music. Senses. Body.* /Ed. by D. Martinelli. *Acta Semiotica Fennica XXXII*. Univ. of Roma Tor Vergata, 2008, pp. 464–487.
17. Kravchenko V. The symbolic structure of Alexander Scriabin's "Mystery" // *Music and the Arts*. In 2 vol. / Ed. E. Tarasti. *Acta Semiotica Fennica XXIII*. Imatra, Helsinki, 2006, vol. 2, pp. 712–722.
18. Poplawski, Thomas. *Eurythmy: a short Introduction to the art of movement*. Edinburg: Floris books, 2015. 128 p.
19. Salzman, Jeanne de. *Die Wirklichkeit des Seins – Der Vierte Weg Gurdjieffs*. Chalice, Xanten, 2017. 344 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кравченко Виктория Владимировна – доктор философских наук, профессор кафедры лингвистики и переводоведения Московского авиационного института (национального исследовательского университета);
e-mail: vickra@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria V. Kravchenko – Doctor of Philosophy, professor at the Department of Linguistics and Translation Studies of the Moscow Aviation Institute (National Research University);
e-mail: vickra@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кравченко В. В. Философско-мистический смысл, истоки и параллели «Мистерии» А. Н. Скрябина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. №2. С. 82–94.

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-82-94

FOR CITATION

Kravchenko V. V. Philosophical-Mystical Meaning, Origins and Parallels of the "Mystery" by A. N. Scriabin. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 2, pp. 82–94.

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-82-94